

УДК 94 (47)

DOI: 10.21685/2072-3024-2017-3-1

Л. М. Артамонова

ОТКЛИКИ НА КРЫМСКУЮ ВОЙНУ 1853–1856 гг. В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА: ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ МОРЯКАМ И ИХ СЕМЬЯМ

Аннотация.

Актуальность и цели. Заметное воздействие Крымской войны 1853–1856 гг. на все развитие России во второй половине XIX в. требует внимательного изучения событий и процессов, происходивших в том числе в провинции. Данный вопрос является недостаточно изученным в отечественной историографии в целом и по отношению к поволжско-уральскому региону в частности. Целью исследования было рассмотреть на примере работников просвещения отношение предреформенного образованного общества к войне и ее бедствиям, постигшим семьи моряков-черноморцев.

Материалы и методы. Исследовательские задачи решались путем изучения документов Казанского учебного округа из Национального архива Республики Татарстан о сборе пожертвований в образовательных учреждениях, воспоминаний современников. Методологической основой исследования стали положения теории модернизации. Показателем этого процесса в России было движение российского общества, в том числе провинциального, по пути выработки развитых норм общежития и морали, новых форм социального признания и солидарности, роста национального самосознания и гражданской зрелости. Исходя из принципа историзма, проявления благотворительности, патриотизма, модернизации рассматриваются в специфических условиях, существовавших в России накануне Великих реформ. Используются проверенные отечественной наукой методы источниковедческого, историографического и содержательного анализа.

Результаты. Исследование участия профессоров, учителей, других работников учебных заведений в организации помощи морякам и их семьям проведено с учетом их социального статуса и материального положения, уровня образовательных учреждений и их территориального размещения в губерниях Поволжья и Урала. Показано, что данный вид помощи являлся частью широкого патриотического движения, которое способствовало общественному подъему в стране в целом и предстоящим преобразованиям.

Выводы. Традиции православного милосердия и государственного патернализма оказались востребованными в обществе на пороге решительного модернизационного скачка. Они сыграли положительную роль не только в поддержке военных усилий страны и тех соотечественников, которые пострадали от боевых действий. Патриотический порыв показал поддержку правительственного курса нового императора Александра II властями на местах и провинциальным обществом, в том числе его реформаторских намерений.

Ключевые слова: Россия в середине XIX в., благотворительность, история Поволжья и Урала, общественное движение, гражданское общество.

**RESPONSES TO THE CRIMEAN WAR (1853–1856)
AT EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF VOLGA REGION
AND THE URAL: ASSISTANCE TO SEAMEN
AND THEIR FAMILIES**

Abstract.

Background. A noticeable impact of the Crimean war (1853–1856) on the development of Russia in the second half of the 19th century demands attentive studying of the events and processes occurred, including in the provinces. This issue is insufficiently studied in Russian historiography in general and in Volga-Ural region in particular. The aim of our study is to examine the views of educators on behalf of the pre-reform educated society regarding the war and its disasters that befell the families of Black Sea mariners.

Materials and methods. The research problems were solved through studying 1) documents of Kazan educational district from the National Archive of the Republic of Tatarstan about collecting donations at educational institutions, 2) memoirs of contemporaries. The methodology was based on the theory of modernization. The indicator of this process in Russia was the movement of the Russian society, including the provincial one, along the path of elaboration of advanced norms of community life and morality, new forms of social charity and solidarity, growth of national self-awareness and civic maturity. According to the principle of historicism, manifestations of charity, patriotism, modernization are considered in the specific conditions occurred in Russia on the eve of Great Reforms. The methods of source study, historiography and content analysis, adopted in Russian science, were used.

Results. The study of the participation of professors, teachers, other employees of educational institutions in common assistance to seamen and their families was conducted taking into account their social status and financial situation, the level of educational institutions and the territorial location of Volga and Ural provinces. It has been shown that this help was a part of the wide patriotic movement which promoted the public rise in the country in general and the forthcoming transformations.

Conclusions. Traditions of the Orthodox mercy and State paternalism were demanded in the society at the threshold of a decisive modernization leap. They played a positive role not only in supporting the military efforts of the country and compatriots suffered from the war. The patriotic impulse displayed that local authorities and the provincial society supported the government course of the new Emperor Alexander II, including his reformist intentions.

Key words: Russia in the middle of the 19th century, charity, history of Volga region and the Ural, social movement, civil society.

Среди историков является общепризнанным заметное воздействие Крымской войны на общественно-политическую жизнь России. Однако освещение событий и процессов, происходивших в 1853–1856 гг. в российской провинции, находившейся в тылу военных действий, выглядит до сих пор недостаточным как в отечественной историографии в целом, так и в изучении истории отдельных регионов страны.

Характерен подход, обозначенный в диссертации А. И. Шепарновой [1]. Исследователь, стремясь «проанализировать оценку Крымской войны и ее важнейших событий основными направлениями русской общественно-поли-

тической мысли», осознанно оставила вне внимания «позиции провинциального дворянства, купечества, крестьянства и мещан». Она посчитала, «что эти аспекты отношения русского общества к Крымской войне могут стать темами дополнительных самостоятельных исследований».

Действительно вышли отдельные работы, посвященные реакции провинциальных жителей на военные события [2]. В них показаны мероприятия на местах, включая акты благотворительности, по некоторым великорусским и малороссийским губерниям [3]. Воздействие Крымской войны на население отмечается также в ряде обобщающих работ по истории отдельных регионов [4, с. 90; 5, с. 251]. Откликом педагогической и университетской интеллигенции на призывы о помощи морякам-черноморцам, их семьям посвящена настоящая статья. Источниками для нее послужили документы, выявленные в фонде 92 «Попечитель Казанского учебного округа» в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ). Соответственно, данное исследование проведено в географических рамках тех губерний по Средней и Нижней Волге, Вятскому краю и Уралу, которые входили в указанный округ.

События Крымской войны находили отклик не только в прифронтовых и пограничных районах или столичных городах. Не оставались в стороне и отдаленные провинции империи, в том числе поволжские губернии.

Не произошло спада патриотических настроений даже после трагических известий о падении Севастополя, когда «ранним утром 9 сентября (28 августа) 1855 г. последние части гарнизона Севастополя покинули горящие развалины некогда цветущего города». Они оставляли «десятки тысяч могил погибших, умерших от ран и болезней, разрушенный и залитый кровью Севастополь, затопленный Черноморский флот» [6, с. 30]. Однако навстречу через летнюю Москву, кроме регулярных войск, уже маршировали на фронт с барабанным боем и музыкой дружины ратников ополчений из центральных губерний. Первые ополченцы, прибывшие на театр военных действий, приняли участие в обороне Севастополя, несли караульную службу в Симферополе, встали на оборонительные рубежи у Перекопа [7, с. 8, 9]. В сентябре сбор ополчения начался в заволжской Самарской губернии, созданной только в 1851 г. [8, с. 2]. Ополченцев вооружали за свой счет дворяне и купцы.

Простой люд из произошедших в 1855 г. перемен на троне вынес для себя самое главное: «Государь, вступая на престол, заявил, что он будет заботиться об улучшении быта крестьян» [9, с. 609]. Возможно, именно это было одним из факторов, что стимулировали новую патриотическую волну, несмотря на военные неудачи.

В обстановке общественного подъема и социальных ожиданий народ воспринял даже весть об оставлении Севастополя не как позор поражения, а как свидетельство стойкости русских воинов, героического завершения славной обороны. Воины «шли домой не с чувством поражения, а с чувством исполненного долга перед Отчизной» [7, с. 9].

Вполне понятна та готовность, с которой жители разных городов и губерний откликнулись на призыв «о повсеместной подписке в пользу морских чинов, защищавших Севастополь». Он содержался в циркуляре от 25 апреля 1855 г., направленном по высочайшему повелению министром внутренних дел «господам начальникам губерний» [10, л. 6]. За город еще шли ожесто-

ченные бои, однако уже тогда людские и материальные потери в осажденном Севастополе были огромными.

В документе констатировалось: «Весьма многие из моряков, находящихся при защите Севастополя, имели там свои дома и имущество, которое копили в продолжение трудной морской службы и надеялись передать в наследство своим семействам. Жертвуя ныне этими домами и имуществом, они принуждены сверх того входить в долги для отправления своих семейств в места, отдаленные от Севастополя. Таким образом, наши моряки-герои приносят на алтарь Отечества не только жизнь свою, но и достояние своих семейств». Как говорилось далее, «во внимание к доблестным подвигам и вещественным потерям храбрых морских воинов» и «независимо от мер, которые принимает правительство для вознаграждения их семейств», было дано разрешение открыть по всей империи подписку на пожертвования. Она должна была поднять моральный дух воинов, поскольку «мужественные поборники православия будут иметь отрадное уверение в том, что... благодарное Отечество не оставит их вдов и сирот». Вместе с тем такая мера должна была подпитывать патриотические настроения населения. Благодаря ей «всегдашнее живое сочувствие русских ко всем заслугам на славу и пользу Родины» сможет проявиться в том, чтобы «радостно положить свою благодарную лепту на обеспечение семейств воинов, ежеминутно готовых сложить свои головы за отчизну» [10, л. 3 и об.].

О том, что моральная сторона акции была не менее важна, чем материальная, свидетельствует добавление в циркуляр, сделанное от имени генерала-адмирала великого князя Константина Николаевича, родного брата императора Александра I. Жертвуемые суммы, которые собирались местными органами власти, подведомственными Министерству внутренних дел, должны были доставляться в Комиссариатский департамент Морского министерства, которое принимало на себя ответственность за их сохранность и дальнейшие расходы. Этому учреждению вменялось в обязанность «печатать подробные отчеты о получении и употреблении оных». При этом «степень участия в настоящем благотворительном деле должна быть предоставлена вполне сердцу и средствам каждого, а потому никакое приношение, как бы ни казалось оно мало, не может быть отвергнуто». Сообщать в публикациях следовало обо всех пожертвованиях, кроме поступивших от «благотворителей, желающих остаться неизвестными» [10, л. 4 и об.].

Новый император и его окружение поддерживали патриотические чувства подданных, не только преследуя внешнеполитические цели. Несмотря на неудачный ход военных действий в Крыму, независимо от исхода войны было ясно, что на первый план выдвигались задачи решения внутренних проблем, реформирования страны. На эти задачи постепенно перенацеливались органы управления, на эти вопросы переключалось внимание населения, дабы обеспечить нужный уровень поддержки, понимания, лояльности предстоящим преобразованиям.

Говоря языком современной историографии, экономический, финансовый, демографический «кризис, вызванный Крымской войной, плавно перешел в социально-экономическую перестройку российского общества» [11, с. 144]. По нашему мнению, переход этот начался до знаменитой речи Александра II о будущей отмене крепостного права, произнесенной 30 марта 1856 г. перед

московским дворянством. Он наметился еще в условиях продолжавшейся войны непосредственно после смерти 18 февраля 1855 г. Николая I. Признаками и условиями этого перехода стали не только новые правительственные намерения, заявления, мероприятия, но и подкрепление имевшихся патриотических настроений, а также симпатий к новому монарху растущими социальными ожиданиями. События Крымской войны и волна общественного подъема во второй половине 1850-х гг. создали те самые благоприятные условия для осуществления кардинального реформирования страны, которых не было в предшествующие десятилетия, хотя необходимость реформ осознавалась и прежде [12, с. 714]. Не столько экономические проблемы и военнотехническая отсталость послужили толчком к Великим реформам, сколько формировавшаяся «в стране и обществе новая система ценностей, в которой уже не было места крепостному праву» [13, с. 951].

В сборе средств морякам и их семьям, по наблюдениям исследователей, приняли участие «представители разных слоев общества: помещики, купцы, представители духовенства, мещане и крестьяне» [2, с. 19]. Можно говорить о продолжении традиций той помощи, которая оказывалась в 1812 г. «бедным, наипаче от войны пострадавшим, равномерно женам и детям, коих мужья и отцы, находясь на войне, не могут пропитать семейств своих». Тогда такая помощь поступала от местных властей, Женского патриотического общества под покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны, духовенства и многочисленных жертвователей [14, с. 81].

В новых условиях спустя почти полвека имперская власть, с одной стороны, более подчеркнуто демонстрировала свое участие в деле социальной защиты подданных, а с другой – привлекала для этих целей более разнообразные административные ресурсы и более широкие круги общественности. В частности, к организации помощи семьям моряков активно подключилось Министерство народного просвещения. Через месяц после выхода упомянутого циркуляра от 25 апреля 1855 г. министр А. С. Норов 26 мая направил в Казанский учебный округ 93 экземпляра этого циркуляра и обратил внимание, что «участие в открываемой подписке предоставляется в равной степени всем ведомствам и управлениям в империи». Он предложил сделать соответствующее распоряжение по округу об участии в подписке и прислать ему сведения о «сумме, которая будет собрана, для доведения о том, чрез господина министра внутренних дел, до сведения государя императора» [10, л. 5 и об.].

4 июня помощник попечителя Казанского учебного округа, а 21 июня уже сам попечитель разослали соответствующие предписания в дирекции училищ, входящих в этот округ губерний: Нижегородской, Пензенской, Астраханской, Саратовской, Симбирской, Оренбургской, Пермской, Вятской, Самарской, Казанской. Особо оповещались директор 1-й Казанской гимназии и ректор Казанского университета [10, л. 8 и об., 15].

Последний предложил было отсрочить исполнение «до августа месяца, к которому времени должны будут возвратиться из отпуска господа профессора и другие преподаватели университета» [10, л. 9]. На это последовал ответ попечителя: «Подписка в пользу морских воинов за потерю ими в Севастополе домов и имущества не должна останавливаться, ограничиваясь в настоящее время только наличными чиновниками и преподавателями, по возвращению же прочих, предложить подписку и им» [10, л. 10].

Директор же 1-й гимназии без промедления «пригласил чиновников... гимназии к пожертвованиям для вознаграждения семейств храбрых морских воинов за потерю ими в Севастополе домов». Уже 28 июня он докладывал попечителю округа от имени всех своих сотрудников, что «собранные нами на сей предмет деньги» в размере 75 руб. 56 коп. (здесь и далее суммы приводятся в пересчете на серебро. – *Л. А.*) отосланы Казанскому военному губернатору И. А. Баратынскому «для отправления по назначению» [10, л. 11 и об.].

Вслед за тем достаточно быстро была проведена подписка среди чиновников управления Казанским учебным округом. Собранные ими 73 руб. 15 коп. были также 12 июля отправлены военному губернатору [10, л. 12]. Размер взносов отражал ранг, статус, достаток служащих. Сам попечитель генерал-лейтенант В. П. Молоствов внес 50 руб., его помощник действительный статский советник В. И. Антропов – 15 руб., правитель канцелярии попечителя Цепелев – 3 руб., два столоначальника – по 1,5 руб. [10, л. 13]. Прочие чиновники и служители пожертвовали от 20 коп. до 1 руб. каждый [10, л. 13 об.].

Оказалось также, что отпускное время не стало большой помехой для сбора пожертвований в Казанском университете. 3 августа 1855 г. попечителю округа сообщили, что военному губернатору уже отправлены 204 руб. 50 коп. серебром. При этом ректор университета О. М. Ковалевский пояснил: «...означенная сумма собрана с наличного числа чиновников и преподавателей университета, лица же, находящиеся в отсутствии, будут немедленно по возвращении (из отпуска. – *Л. А.*) приглашены к подписке и собранные с них деньги представлены» [10, л. 14 и об.]. Действительно, «собранные по дополнительной подписке с не подписавшихся еще гг. профессоров и преподавателей Казанского университета в пользу морских воинов» деньги в сумме 37 руб. были отосланы начальнику Казанской губернии, о чем было сообщено попечителю 15 сентября [10, л. 22]. Деканы и профессора, в том числе выдающийся химик А. М. Бутлеров, вносили, как правило, по 5 руб., адъюнкты и хранитель музеев – по 3 руб. [10, л. 23].

16 августа 1855 г. о собранных деньгах доложил исполнявший должность директора училищ Казанской губернии инспектор 2-й Казанской гимназии. Учителя этой гимназии и уездных училищ, по его сообщению, «охотно принесли, по мере средств, свою лепту на алтарь Отечеству», всего 127 руб. 90 коп. «в пользу семейств храбрых морских воинов» [10, л. 15 и об.].

Имела место и практика индивидуальных пожертвований. «Почетный смотритель Чебоксарского уездного училища Надворный советник Леонтьев пожертвовал в пользу семейств черноморских воинов сумму в 13 рублей 86 копеек», которую упомянутый инспектор представил 26 августа военному губернатору, а попечитель распорядился сообщить о ней в Петербург наряду с другими взносами [10, л. 19].

Из-за пределов Казанской губернии первое сообщение в канцелярию попечителя пришло 20 августа из Пензенского дворянского института. В донесении от 17 августа директор Н. А. Панютин сообщал, что для семей защитников Севастополя в его учебном заведении прошел сбор в пользу как морских чинов (150 руб. 49 коп.), так и сухопутных (109 руб. 8 коп.). Первая сумма была отослана, как предписывал циркуляр от 25 апреля, в Комиссариатский департамент Морского министерства. Вторую отправили в «Собст-

венную Ее Величества государыни императрицы Марии Александровны контору». Часть собранных денег пришлось потратить на накладные расходы за пересылку обеих сумм – соответственно 1,49 руб. и 1,08 руб. [10, л. 16].

Из вышеприведенного примера видно, что подписка в пользу семейств морских чинов была не единственной общественно-благотворительной акцией периода Крымской войны. Руководители и работники народного просвещения были нередко участниками одновременно двух и более подобных мероприятий.

В Пензенском дворянском институте многие пожертвовали заметные суммы в пользу как моряков, так и солдат, защищавших Севастополь. Директор Панютин вписал по 25 руб. в оба подписных листа, инспектор П. Никольский – по 10 руб. Старшие учителя института на помощь морякам дали в два раза больше денег (по 10 руб.), чем солдатам (по 5 руб.). Не имевший этой штатной должности, а только исполняющий обязанности старшего учителя математики И. Н. Ульянов внес по 5 руб. в оба подписных листа [10, л. 17, 18]. Будущий отец В. И. Ульянова-Ленина, как известно, затем активно участвовал в общественно-благотворительных акциях на протяжении всей жизни [15]. Пожертвования младших учителей института, надзирателей и других служителей составляли от 50 коп. до 3 руб. в каждом подписном листе [10, л. 17, 18 об.].

В доношении из Астраханской дирекции училищ от 26 сентября также говорилось о сборе пожертвований как для морских, так и сухопутных нижних чинов, защищавших Севастополь. Правда, здесь в пользу моряков было собрано чуть меньше денег (99 руб. 75 коп.), чем для солдат (100 руб. 80 коп.) [10, л. 27 и об.].

Денежные пожертвования могли сопровождаться и сбором вещей, необходимых для воинов. Не всегда на местах вообще учитывали «ведомственную» принадлежность организаторов различных акций. В качестве примера можно привести доношение директора училищ Пермской губернии от 14 февраля 1856 г. Эту должность занимал видный деятель народного просвещения на Урале И. Ф. Грацинский [16, с. 216, 220]. Им, начиная с июля 1855 г., было отослано «в Собственную государыни императрицы Марии Александровны контору и в Комиссариатский департамент Морского ведомства пожертвованных в пользу храбрых наших войск чиновниками, преподавателями, учениками и ученицами» Пермской дирекции денег 659 руб. 25 $\frac{1}{4}$ коп. и разных вещей: «а) корпии 2 пуда и 2 фунта; б) разного сорту холста 723 аршин; в) ниток 524 пасма; д) чулок 3 пары; е) канифасные брюки 1; ж) простыня 1; з) салфеток 2; и) полотенцев 55» [10, л. 43 и об.].

10 ноября министр народного просвещения сообщил о том, что император Александр II по поводу денег, собранных в Пензенском дворянском институте, «соизволил приношение принять, а жертвователей благодарить». Об этом высочайшем соизволении попечитель Казанского округа дал знать директору института 26 ноября [10, л. 32, 33 об.].

Внимания государя удостоивались и другие жертвователи. Так, в Казань 24 сентября было отправлено сообщение, что «чиновниками и некоторыми воспитанниками Симбирской гимназии пожертвовано в пользу морских чинов, лишившихся своего имущества в Севастополе», 63 руб. [10, л. 17, 18 об.]. А 22 декабря по высочайшему повелению, сообщенному министром народного просвещения, им была передана благодарность Александра II. В этом же

сообщении А. С. Норова подобная благодарность объявлялась «чиновникам, учителям и ученикам» Екатеринбургского уезда и Чермоозского приходского училища предпринимателей Лазаревых (за взнос 108 руб. 59 $\frac{1}{4}$ коп.), Пермской гимназии, Кунгурского уездного училища, приходских Суксунского и Кунгурского училищ (за взнос 63 руб. 82 $\frac{3}{4}$ коп.), Пермского и Камышловского уездных училищ «и приходских училищ: Пермского, Нытвинского, Архангело-Каслийского, Оханского, Сретенского и Камышловского» (за взнос 51 руб. 12 $\frac{1}{2}$ коп.) [10, л. 38 и об.].

Сведения о пожертвованиях по учреждениям школьного ведомства поступали в канцелярию попечителя учебного округа и из других губерний. В Самарской дирекции сбор составил 139 руб. 82 коп. [10, л. 49]. Об этом 2 апреля 1856 г. сообщил в Казань занимавшийся этим сбором будущий свояк И. Н. Ульянова директор самарских училищ А. П. Пономарев – известный организатор народного образования, краеведческих исследований и газетного дела в самой молодой губернии Российской империи [17, с. 149]. Министр народного просвещения 12 июля 1856 г. передал в Самару высочайшее повеление: «Приношение принять, а жертвователей благодарить» [10, л. 51].

«Чиновниками и преподавателями Саратовской дирекции училищ» было собрано 200 руб., которые 17 октября 1855 г. были предоставлены начальнику губернии [10, л. 28]. Из Нижегородской дирекции от учащихся и учащихся поступило 102 руб. 34,5 коп. [10, л. 47]. В Вятской губернии «чиновниками и учащимися» школ было «пожертвовано в пользу морских чинов, защитников Севастополя» 174 руб. 96,25 коп., из которых 12 руб. 90 коп. «отправлены в Комиссариатский департамент Морского министерства непосредственно штатным смотрителем Малмыжского уездного училища» [10, л. 37 и об.]. Эти пожертвования также были отмечены благодарностью императора [10, л. 44].

При заметном административном участии в организации сбора средств пожертвования все же не были обязательными. Об этом, например, свидетельствует формулировка в сообщении директора Оренбургских училищ от 19 января 1856 г. о пожертвовании 50 руб. «в пользу морских чинов, лишившихся имуществ в Севастополе», сделанном лишь «некоторыми чиновниками и преподавателями учебных заведений Оренбургской дирекции» [10, л. 41]. Такое же упоминание только «некоторых чиновников» присутствует в переписке о сборе средств в Самарской дирекции [10, л. 52 об.].

Последний по времени документ в рассмотренном деле об оказании в учреждениях народного просвещения Поволжья и Урала помощи семьям морских чинов, защищавших Севастополь, датирован 31 декабря 1856 г. [10, л. 54 и об.]. В нем попечитель учебного округа сообщал ректору Казанского университета о высочайшей благодарности, объявленной студентам этого университета. Те собрали на указанные нужды 152 руб. 32 коп., поддержав своих старших наставников – профессоров и учителей.

Современная историография Крымской войны обогащается новыми исследованиями, в том числе посвященными общественной жизни России в эти годы [18, с. 126]. Результаты представленного здесь исследования, надеемся, помогут оценить одну из сторон социальных последствий событий 1853–1856 гг., а именно связать их с ходом становления гражданского общества в пору подготовки и проведения Великих реформ, ролью в этом процессе учительства.

Оно насыщало своим интеллектуальным и этическим потенциалом еще «небогатую на творческие и граждански активные элементы провинциальную среду» [19, с. 362]. Не преувеличивая глубину данного процесса, укажем, что одной общественности было еще далеко не по силам претендовать на решение задач всероссийского масштаба. Инициатива и административные рычаги при решении проблем общегосударственного звучания, в том числе в области социального призрения, были сосредоточены в руках реформаторски настроенных сподвижников и сторонников молодого императора Александра II, которых можно определить вслед за рядом современных исследователей как «просвещенную бюрократию» [20, с. 16, 24].

Итогом патриотического подъема, связанного с войной 1853–1856 гг. и прежде всего с обороной Севастополя, стало движение российского общества, в том числе провинциального, по пути выработки более современных норм общежития и морали, создания новых форм социального призрения и солидарности, роста национального самосознания и гражданской зрелости. При этом продолжались давние традиции православного милосердия и государственного патернализма. Несомненно, что это все укладывалось в общую тенденцию ускорившейся модернизации, сохранявшей российскую специфику. Основным же результатом для данной конкретной эпохи можно считать обеспечение общественно-патриотической поддержки назревших преобразований, способствовавшей успешной подготовке и реализации Великих реформ.

Библиографический список

1. **Шепарнева, А. И.** Крымская война в оценке русского общественного мнения (1853–1856) : дис. ... канд. ист. наук / Шепарнева А. И. – Орел, 1995. – 242 с.
2. **Холодов, В. А.** Крымская война 1853–1856 гг. в восприятии населения Орловской губернии / В. А. Холодов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2 (18). – С. 16–21.
3. **Сидоренко, О. С.** Благотворительная деятельность населения Черниговской губернии во время Крымской войны 1853–1856 гг. / О. С. Сидоренко // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol. III (7). – Iss. 42. – P. 27–30.
4. Пензенский край в истории и культуре России / С. В. Белоусов, В. А. Власов, В. Г. Волков, К. Г. Гаврилов, Т. В. Гаврилова, Г. В. Гарбуз, Г. Е. Горланов, В. П. Догаева, В. А. Дятлов, Т. А. Евневич, Е. Е. Жаринова, А. С. Касимов, В. В. Кондрашин, Е. В. Курицына, Д. В. Лебедева, Л. В. Лебедева, Т. Ю. Новинская, В. Н. Паршина, А. В. Первушкин, В. И. Первушкин, В. В. Ставицкий, О. А. Сухова, Г. П. Тамбовцев, Л. Ю. Федосеева, А. А. Филина, А. Г. Шариков, О. В. Ягов, Р. А. Якупов ; под ред. О. А. Суховой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 526 с.
5. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века / под ред. Э. Л. Дубмана, Ю. Н. Смирнова. – М. : Наука, 2000. – 287 с.
6. **Ляшук, П. М.** Офицерский корпус Черноморского флота в обороне Севастополя 1854–1855 гг. / П. М. Ляшук // Причерноморье. История, политика, культура. Сер. Б: Новая и новейшая история. – Севастополь, 2009. – Вып. 1. – С. 30–35.
7. **Антипов, М. А.** Участие дружин Курского государственного подвижного ополчения в защите Севастополя (в период Крымской войны 1853–1855 гг.) / М. А. Антипов // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4-4. – С. 7–9.

8. **Смирнов, Ю. Н.** К 160-летию Самарской губернии: зачем и как она была создана? / Ю. Н. Смирнов. – Самара, 2011. – 16 с.
9. **Бобков, Ф. Д.** Из записок бывшего крепостного человека / Ф. Д. Бобков // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 575–656.
10. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 7075.
11. **Миронов, Б. Н.** Жизненный уровень населения России в XIX – начале XX в. Ч. II / Б. Н. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, История. – 2009. – № 2. – С. 134–147.
12. **Миронов, Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. – Т. 2. – 912 с.
13. **Smirnov, Yu. N.** The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History / Yu. N. Smirnov // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2016. – № 41-1 (3). – С. 944–954.
14. **Белоусов, С. В.** К вопросу о материальном вкладе населения Пензенской, Саратовской и Симбирской губерний в 1812–1814 гг. / С. В. Белоусов // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2007. – № 4 (8). – С. 79–83.
15. **Сергеев, Т. С.** Семья Ульяновых и благотворительность / Т. С. Сергеев // Успехи современного естествознания. – 2009. – № 7. – С. 29, 30.
16. **Дашкевич, Л. А.** Школа в социокультурной среде уральского города конца XVIII – первой половины XIX века / Л. А. Дашкевич // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – Т. 45, № 20. – С. 214–221.
17. **Смирнов, Ю. Н.** Г. Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары / Ю. Н. Смирнов // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Самара, 2014. – Ч. 2. – С. 145–152.
18. **Климкина, Э. В.** Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг.: современное прочтение / Э. В. Климкина // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сб. материалов IV Всерос. науч. конф. – Самара, 2017. – С. 126–132.
19. **Смирнов, Ю. Н.** Воздействие социального и культурного пространства провинциального города на формирование элементов гражданского общества (по материалам Самары в эпоху подготовки и реализации Великих реформ) / Ю. Н. Смирнов // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Самара, 2016. – Ч. 1. – С. 358–370.
20. **Карнишина, Н. Г.** Реформы просвещенной бюрократии в России на примере работы редакционных комиссий 1850-х гг. / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 15–25.

References

1. Sheparneva A. I. *Krymskaya voyna v otsenke russkogo obshchestvennogo mneniya (1853–1856): dis. kand. ist. nauk* [The Russian public opinion on The Crimean War (1853–1856): dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Orel, 1995, 242 p.
2. Kholodov V. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2011, no. 2 (18), pp. 16–21.
3. Sidorenko O. S. *Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Sciences*. 2015, vol. III (7), iss. 42, pp. 27–30.

4. Belousov S. V., Vlasov V. A., Volkov V. G., Gavrilov K. G., Gavrilova T. V., Garbuz G. V., Gorlanov G. E., Dogaeva V. P., Dyatlov V. A., Evnevich T. A., Zharinova E. E., Kasimov A. S., Kondrashin V. V., Kuritsyna E. V., Lebedeva D. V., Lebedeva L. V., Novinskaya T. Yu., Parshina V. N., Pervushkin A. V., Pervushkin V. I., Stavitskiy V. V., Sukhova O. A., Tambovtsev G. P., Fedoseeva L. Yu., Filina A. A., Sharikov A. G., Yagov O. V., Yakupov R. A. *Penzenskiy kray v istorii i kul'ture Rossii* [Penza region in Russian history and culture]. Penza: Izd-vo PGU, 2014, 526 p.
5. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. XVI – pervaya polovina XIX veka* [The history of Volga region in the vicinity of Samara from ancient times till the present days. The XVI – first half of XIX centuries]. Eds. E. L. Dubman, Yu. N. Smirnov. Moscow: Nauka, 2000, 287 p.
6. Lyashuk P. M. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. Ser. B: Novaya i noveyshaya istoriya* [Black Sea region. History, politics, culture. Series B: Modern and contemporary history]. Sevastopol, 2009, iss. 1, pp. 30–35.
7. Antip'ev M. A. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Altay State University]. 2009, № 4-4, pp. 7–9.
8. Smirnov Yu. N. *K 160-letiyu Samarskoy gubernii: zachem i kak ona byla sozdana?* [Devoted to the 160th anniversary of Samara province: what for and how was it founded?]. Samara, 2011, 16 p.
9. Bobkov F. D. *Vospominaniya russkikh krest'yan XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Memories of Russian peasants from the XVIII – first half of XIX centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006, pp. 575–656.
10. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan (NART)* [The National Archive of the Republic of Tatarstan (NART)]. F. 92. Op. 1. D. 7075.
11. Mironov B. N. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2, Istoriya* [Bulletin of Saint-Petersburg University. Series 2, History]. 2009, no. 2, pp. 134–147.
12. Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from the tradition to the modern]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2015, vol. 2, 912 p.
13. Smirnov Yu. N. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Bygone years. Russian historical journal]. 2016, no. 41-1 (3), pp. 944–954.
14. Belousov S. V. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanities]. 2007, no. 4 (8), pp. 79–83.
15. Sergeev T. S. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Progress of modern natural sciences]. 2009, no. 7, pp. 29, 30.
16. Dashkevich L. A. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Proceedings of Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture]. 2006, vol. 45, no. 20, pp. 214–221.
17. Smirnov Yu. N. *Modernizatsiya kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmeneniy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Culture modernization: ideas and paradigms of cultural changes: proceedings of an International scientific and practical conference]. Samara, 2014, part 2, pp. 145–152.
18. Klimkina E. V. *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost': sb. materialov IV Vseros. nauch. konf.* [Russian foreign political interests: history and modern times: proceedings of IV All-Russian scientific conference]. Samara, 2017, pp. 126–132.
19. Smirnov Yu. N. *Modernizatsiya kul'tury: ot kul'turnoy politiki k vlasti kul'tury: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Culture modernization: from the cultural policy to the power of culture: proceedings of IV International scientific and practical conference]. Samara, 2016, part 1, pp. 358–370.
20. Karnishina N. G. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2016, no. 3 (39), pp. 15–25.

Артамонова Людмила Михайловна
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
Отечества, Самарский государственный
институт культуры (Россия, г. Самара,
ул. Фрунзе, 167)

E-mail: artamonovoi@mail.ru

Artamonova Ludmila Mikhailovna
Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of Russian history,
Samara State Institute of Culture
(167 Frunze street, Samara, Russia)

УДК 94 (47)

Артамонова, Л. М.

Отклики на Крымскую войну 1853–1856 гг. в учебных заведениях Поволжья и Урала: оказание помощи морякам и их семьям / Л. М. Артамонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 5–16. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-3-1